

СЕМАНТИКО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'БЕСПОКОЙСТВО, ТРЕВОГА' В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. КОРНАКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются ономаσιологические особенности семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. Выделяются следующие различающиеся по типу мотивированности и степени идиоматичности классы: 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования; 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования; 3) образно мотивированные идиоматичные наименования; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования; 5) синхронно полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования. Наблюдается тенденция к мотивированности лексем и фразем с семантикой 'беспокойство, тревога'. В сопоставительном аспекте анализируется объем ономаσιологических классов как в рамках лексико-фразеологических корпусов, так и в границах лексических и фразеологических подкорпусов. Отмечается различие ономаσιологической структуры лексических составов семантических полей 'беспокойство, тревога' в синтетических и аналитических языках. Фразеологические составы полей в исследуемых языках, как и сами поля, являются схожими в ономаσιологическом плане. Анализируется корреляция между типами значений (понятийные – эмотивные) номинативных единиц и их ономаσιологическими характеристиками. Прослеживается связь между номинативной функцией языковой единицы и ее ономаσιологическим типом: понятийные значения актуализируются по большей части покомпонентно мотивированными неидиоматичными лексемами, эмотивная семантика выражается ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными номинативными единицами, преимущественно фраземами.

Ключевые слова: лексема; фразема; мотивированность; идиоматичность; аналитические языки; синтетические языки; понятийное значение; эмотивное значение.

СЕМАНТИКА-АНАМАСІЯЛАГІЧНАЯ СВОЕАСАБЛІВАСЦЬ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ 'НЕСПАКОЙ, ТРЫВОГА' Ў РУСКАЙ, БЕЛАРУСКАЙ, АНГЛІЙСКОЙ І НЯМЕЦКАЙ МОВАХ

В. І. КАРНАКОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца анамасыялагічныя асаблівасці семантычнага поля 'неспакой, трывога' ў рускай, беларускай, англійскай і нямецкай мовах. Вылучаюцца наступныя розныя паводле тыпаў матываванасці і ідыяматычнасці класы: 1) фанетычна матываваныя неідыяматычныя найменні; 2) пакампанентна матываваныя неідыяматычныя найменні; 3) вобразна матываваныя ідыяматычныя найменні; 4) часткова (па звязанаму кампаненту) нематываваныя ідыяматычныя найменні.

Образец цитирования:

Корнакова В.И. Семантико-ономаσιологическое своеобразие лексико-фразеологического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;1:40–52.

For citation:

Kornakova V. I. Semantic-onomasiological peculiarity of the lexico-phraseological field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;1:40–52. Russian.

Автор:

Виктория Ивановна Корнакова – старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Viktoria I. Kornakova, senior lecturer of the department of the English language for natural science faculties, faculty of social and cultural communications.
kornakovaviktoria3@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1007-0259>

ных і ідыяматычных найменні; 5) сінхронна цалкам немагаваня высока ідыяматычных найменні. Назіраецца тэндэнцыя да магаванасці лексем і фразем з семантыкай 'неспакой, трывога'. У супастаўляльным аспекце аналізуецца аб'ём аномасіялагічных класаў як у межах лексіка-фразеалагічных карпусоў, так і ў межах лексічных і фразеалагічных падкарпусоў. Адзначаецца адрозненне аномасіялагічнай структуры лексічных саставаў семантычных палёў у сінтэтычных і аналітычных мовах. Фразеалагічныя склады палёў у даследуемых мовах, як і самі палі, з'яўляюцца падобнымі ў аномасіялагічным плане. Аналізуецца карэляцыя паміж тыпамі значэнняў (паняційныя – эматыўныя) намінаўных адзінак і іх аномасіялагічнымі характарыстыкамі. Прасочваецца сувязь паміж намінаўнай функцыяй моўнай адзінкі і яе аномасіялагічным тыпам: паняційныя значэнні актуалізуюцца па большай частцы пакампанентна магаванымі неідыяматычнымі лексемамі, эматыўная семантыка перадаецца асацыятыўна-вобразна магаванымі ідыяматычнымі намінаўнымі адзінкамі, пераважна фраземамі.

Ключавыя словы: лексема; фразама; ідыяматычнасць; магаванасць; аналітычныя мовы; сінтэтычныя мовы; паняційнае значэнне; эматыўнае значэнне.

SEMANTIC-ONOMASIOLOGICAL PECULIARITY OF THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD 'ANXIETY' IN THE RUSSIAN, BELARUSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

V. I. KORNAKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers the onomasiological features of the semantic field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages. Five classes of different types of motivation and idiomaticity are distinguished within the field: 1) phonetically motivated non-idiomatic names; 2) component-by-component motivated non-idiomatic names; 3) figuratively motivated idiomatic names; 4) partially (by a bound component) non-motivated and idiomatic names; 5) synchronously completely non-motivated highly idiomatic names. In all four languages, there is a tendency towards motivation of lexemes and phrasemes with the semantics of 'anxiety'. The volume of onomasiological classes is compared both within the framework of whole semantic fields and within their lexical and phraseological sectors. There is a difference in the onomasiological structure of the lexical sectors of the semantic field 'anxiety' in synthetic and analytical languages. Phraseological sectors of the fields in four languages, as well as the fields themselves, are similar in onomasiological terms. The correlation between the types of meanings (cognitive vs emotional) of nominative units and their onomasiological characteristics is analysed. The studied material reveals the connection between the nominative function of a linguistic unit and its onomasiological type: conceptual meanings are expressed mainly by component-by-component motivated non-idiomatic lexemes, emotive semantics – by figuratively motivated idiomatic nominative units, mainly phrasemes.

Keywords: lexeme; phraseme; idiomaticity; motivation; analytical languages; synthetic languages; cognitive meaning; emotional meaning.

Введение

В лингвистике проблема соотношения формы и содержания языковых единиц является дискуссионной. Выяснение типов мотивированности и идиоматичности языковых знаков – важная задача ономазиологии. Проблематика настоящего исследования связана с актуальностью разработки и применения интегральных ономазиологических классификаций, адекватных для лексики и фразеологии одновременно. В данной статье приводятся результаты эмпирической проработки типологии, предложенной М. С. Гутовской. Сопоставительное изучение ономазиологических характеристик лексических и фразеологических единиц с семантикой 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках еще не проводилось, что обуславливает новизну настоящего исследования.

Подробнее рассмотрим мотивированность и идиоматичность как ономазиологические характеристики языковых единиц. В современном понимании принципы **мотивированности** и произвольности языкового знака восходят к идеям Ф. де Соссюра. Используя термины «означающее» (акустический образ) и «означаемое» (понятие), швейцарский лингвист постулирует произвольность как один из фундаментальных принципов языка: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен» [1, с. 70]. Ф. де Соссюр акцентирует внимание на звукоподражаниях, которые могли бы служить доказательством того, что выбор означающего не всегда произволен. Тем не менее лингвист приводит

доводы в пользу своей изначальной теории о произвольности связи означающего и означаемого: а) звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка; б) число звукоподражаний весьма ограничено; в) «войдя в язык, они [звукоподражания] в большей или меньшей степени попадают под действие фонетической, морфологической и всякой иной эволюции, которой подвергаются и все остальные слова (ср. фр. *pigeon* ‘голубь’, происходящее от народнолатинского *pipio*, восходящего, в свою очередь, к звукоподражанию), – очевидное доказательство того, что звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще, который, как уже указывалось, немотивирован» [1, с. 72]. Кроме того, ученый отмечает, что произвольность языковых знаков неабсолютна и зависит от характера мотивированности: «Только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным различной степени: знак может быть относительно мотивированным» [1, с. 131]. Степень мотивированности языкового знака коррелирует со степенью сложности его компонентной структуры и очевидностью смысла единиц низшего уровня.

В. В. Левицкий считает, что «в языке должна существовать тенденция к мотивированности отношений между формой и содержанием лексических и грамматических единиц» [2, с. 26]. Однако в разных языках эта тенденция проявляется с разной силой, причем существование крайностей в данном случае исключено: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все» [1, с. 133].

Сегодня в лингвистике существуют несколько классификаций типов мотивированности номинативных единиц. Так, например, В. Г. Гак разделяет мотивированность на внешнюю, или абсолютную (фонетическую), и внутреннюю, или относительную (морфологическую и семантическую) [3, с. 34]. С. Ульман разграничивает три типа мотивированности: 1) фонетическую, при которой звуковая структура наименования изоморфна структуре обозначаемого предмета или явления; 2) морфологическую, носящую относительный характер и проявляющуюся в единицах, состоящих из двух и более сегментов с собственными лексическими и грамматическими значениями; 3) семантическую, характерную для единиц со значениями, которые образованы путем метафоризации буквальных значений слов [4]. Отталкиваясь от особенностей структуры и содержания языкового знака, И. С. Торопцев акцентирует внимание на трех способах мотивировки: подражании, признаке и содержании [5].

Лингвисты также отмечают, что границы между классами слов, проявляющих тот или иной тип мотивированности, и немотивированными лексемами не являются непроходимыми, в особенности при диахроническом рассмотрении. Ф. де Соссюр отмечал, что «появление фактора времени способно создать лингвистике особые затруднения» [1, с. 81], поскольку время накладывает свой отпечаток на связь означаемого и означающего. Т. Р. Кияк утверждает, что степень мотивированности изменяется в связи с эволюционированием значений слов [6, с. 104]. В. Матезиус акцентирует внимание на том, что с изменением объектов внешней реальности означающие их наименования могут переставать восприниматься как мотивированные и переходить в разряд немотивированных. Это обусловливается тем, что «по той или иной причине носители языка утрачивают способность разлагать такие слова на части с четким значением» [7, с. 452].

Идиоматичность номинативной единицы находится в обратной зависимости от ее мотивированности. Так, А. И. Смирницкий отмечает, что «всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании... ограничивает мотивированность его строения и может сводить его на нет» [8, с. 88]. Н. Б. Мечковская постулирует, что идиоматичность (как большая или меньшая смысловая неразложимость соединения лексем) противостоит таким свойствам языка, как системность, регулярность и мотивированность знаков [9].

В лингвистической литературе наблюдается определенное расхождение в терминах, употребляемых для обозначения одного и того же языкового феномена: идиоматичность, нерегулярность построения означающего и (или) означаемого выражения [10; 11], переинтерпретация [12], фразеологичность [13].

Исследования вопроса о невыводимости общего значения номинативной единицы из значений ее компонентов проводились как на лексическом, так и на фразеологическом материале.

Работы по идиоматичности лексических единиц в основном связаны со словообразовательным аспектом [14–16]. Анализируя идиоматичность производных слов, О. П. Ермакова определяет ее как «невыводимость некоторой части значения производного формально выделяемыми в нем частями»¹.

В исследованиях по фразеологии идиоматичность зачастую постулируется как конституирующий признак фразем. О. С. Ахманова выделяет идиоматичность в качестве параметра разграничения фразеологических единиц и свободных словосочетаний. По мнению О. С. Ахмановой, у фразем «цельность номинации довлеет над структурной раздельностью» [17, с. 189].

¹Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.01. М., 1977. С. 17.

Под идиоматичностью В. Н. Телия понимает переосмысление всего лексико-грамматического состава словосочетания. Выделяя идиоматичность в качестве конститутивного признака фразеологизмов, исследователь говорит о том, что она может быть полной и частичной. В процессе идиообразования словосочетания метафорически трансформируются во фраземы на основе подобию того смысла, на котором строится номинативный замысел, и того, что обозначается сочетанием в его «буквальном» значении и включено в определенную структуру знания о мире – некоторый «сценарий», или «фрейм» [18].

Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, идея идиоматичности сводится к трем базовым факторам: переинтерпретации, непрозрачности и усложнению способа указания на денотат. Переинтерпретация означает, что выражение, у которого есть прямое значение, понимается в переносном смысле, при этом прямое и переносное значения связаны между собой метафорическими отношениями. Непрозрачность выражения проявляется в двух случаях: когда в языке нет правила, согласно которому можно беспрепятственно вычислить значение выражения (в этом случае без обращения к этимологии факт переинтерпретации установить невозможно), и когда выражение содержит отсутствующие в словаре компоненты, значение которых никак не восстанавливается носителями языка. Переинтерпретация – это взгляд на идиоматичное выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность – с точки зрения восприятия оборота, поэтому эти два фактора зачастую являются взаимосвязанными. Усложнение способа указания на денотат – это любое выражение, которое существует в языке наряду с более простым и стандартным наименованием сущности. Каждый из трех факторов может реализоваться как сам по себе, так и в сочетании с другими факторами, в большинстве случаев тесно взаимодействуя между собой [12, с. 27–50].

И. А. Мельчук определяет идиоматичное словосочетание как конструкцию, в которую «входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписывать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться так же и без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» [19, с. 76]. Под переводным эквивалентом лингвист понимает лексическое значение слова – компонента фраземы. Данное значение в случае идиом имеет неузуальный (специфический) характер. И. А. Мельчук использует для обозначения этого феномена термин «единичный перевод». Говоря о концепции И. А. Мельчука, Н. Н. Амосова вводит также термин «внутриязыковая перифраза» [20, с. 71]. Бесспорными плюсами теории И. А. Мельчука (данная концепция определения идиоматичности применяется в настоящей работе) являются идея о градуальной природе свойства идиоматичности и исключение из исследования субъективного фактора. Последнее достигается за счет обращения при работе с фраземами к лексикографическим источникам, что исключает фактор лингвистической догадки ученого.

Опираясь на предложенный И. А. Мельчуком метод выявления идиоматичности посредством компонентного анализа фраземы, М. С. Гутовская подчеркивает необходимость учета контекста исходного словосочетания: «При соотнесении значения, реализуемого словом в составе фраземы, с узуальными значениями слова важно учитывать контекст исходного словосочетания – условия употребления многозначного слова, выделяющие одно из его значений как согласующееся со значениями других элементов словосочетания, – и принимать во внимание только то узуальное значение полисемантического слова, которое согласуется в семантическом контексте исходного словосочетания» [21, с. 84]. Анализ лексических, морфологических и синтаксических характеристик, входящих в словосочетание номинативных единиц, позволяет выявить реализуемое в данном контексте значение слова и, следовательно, верно определить степень идиоматичности фраземы.

Теоретические основы исследования

Поскольку идиоматичность и мотивированность являются взаимосвязанно-противопоставленными свойствами и имеют градуальную природу, при классификации номинативных единиц по этим признакам необходимо учитывать не только их крайние (абсолютные) проявления, но и промежуточные случаи. В настоящей работе для разделения номинативных единиц на группы по характеру мотивированности и степени идиоматичности применяется интегративная (учитывающая свойства как лексических, так и фразеологических единиц) классификация М. С. Гутовской. По характеру связи между означающим и означаемым мотивированные номинативные единицы разделяются на следующие группы: 1) единицы с фонетическим, покомпонентным и ассоциативно-образным способом мотивации; 2) частично (по связанному компоненту) немотивированные единицы; 3) полностью немотивированные единицы [21, с. 87].

Сопоставительное изучение ономазиологической структуры семантического поля ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках осуществлялось в несколько этапов.

1. Разделение конститuentов поля на следующие ономазиологические классы: 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования; 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные

наименования; 3) образно мотивированные идиоматичные наименования; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования; 5) синхронно полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования.

2. Количественный анализ номинативных единиц, входящих в эти классы, для выявления рангов, присущих типам мотивированности и идиоматичности.

3. Толкование различий между лексикой и фразеологией с точки зрения ономазиологических свойств – особенностей представления семантики беспокойства, тревоги, а также межъязыковых сходств и различий с учетом морфологических типов языков.

4. Анализ количественной репрезентации типов значений (понятийное – эмотивное) номинативными единицами различных ономазиологических классов, а также проверка гипотезы М. С. Гутовской о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, в основном фраземами.

Общий объем исследования составил 1108 номинативных единиц различной частеречной принадлежности: 230 единиц русского (92 лексемы и 138 фразем), 344 единицы белорусского (98 лексем и 246 фразем), 255 единиц английского (92 лексемы и 163 фраземы), 279 единиц немецкого (74 лексемы и 205 фразем) языков.

В класс **фонетически мотивированных неидиоматичных номинативных единиц** входят лексемы и фраземы, содержащие звукоподражательные элементы: рус. *гудеть* ‘2. Подавать гудки (обычно в знак опасности, траура, начала, конца какого-л. мероприятия или работы и т. п.: о транспорте, предприятиях и т. п.)’ (БТС); бел. *бурчаць* ‘2. Выказваць незадавальненне або пагрозу, утвараючы глухія гукі (пра жывёл)’ (ТСБЛМ, с. 98); англ. *groan* ‘глубокий, печальный звук боли или огорчения’ (FD); нем. *stöhnen* ‘1. а. В случае боли, внезапного, сильного эмоционального стресса или приятного ощущения и т. п. выдохнуть с трудом с глубоким протяжным звуком’ (DW); рус. *аху (да) оху* ‘1. разг. Проявление чувства беспокойства, неудовольствия от постоянных хлопот’ (ФСРЛЯ, с. 16).

К **покомпонентно мотивированным неидиоматичным номинативным единицам** относятся словообразовательно мотивированные производные лексемы и предметно-логически мотивированные фраземы (обороты, значения которых выводятся из узуальных – прямых и переносных – значений их компонентов): рус. *страшный* ‘1. Вызывающий, внушающий чувство страха’ (БТС); бел. *жахлівы* ‘1. Які выклікае жах, вельмі страшны’ (ТСБЛМ, с. 199); англ. *concerned* ‘2. Обеспокоенный, встревоженный, озабоченный’ (FD); нем. *besorgt* ‘а. Обеспокоенный, встревоженный’ (DW); рус. *воздушная тревога* ‘тревога, сигнал об опасности с воздуха, о появлении противника в воздухе’ (ФСРЯ, с. 34); бел. *дзейнічаць на нервы* ‘раздражняць, злаваць, хваляваць каго-н.’ (СФБМ-1, с. 372); англ. *give sb the willies* ‘заставить кого-либо нервничать, напугать или обеспокоить’ (LID, p. 384); нем. *ein notwendiges Übel* ‘что-то неприятное, чего нельзя избежать’ (DRW, S. 539).

Класс **образно мотивированных идиоматичных номинативных единиц** образуют лексемы с переносным значением и фраземы с двуплановой семантикой (в составе таких оборотов присутствуют лексемы в неузуальных значениях, а фразама характеризуется наличием ассоциативной образности): рус. *тяжёлый* ‘7. разг. С трудом поддающийся воспитанию, воздействию; доставляющий много хлопот и волнений’ (БТС); бел. *паліць* ‘7. перан. трывожыць, мучыць’ (ТСБЛМ, с. 429); англ. *funeral* ‘4. разг. Источник беспокойства, забот’ (FD); нем. *Theater* ‘3. Чрезмерное, преувеличенное беспокойство, смятение, волнение’ (DW); рус. *красный как рак и покраснеть как рак* ‘о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т. п. прилила к лицу кровь (имеется в виду цвет вареного рака)’ (ФСРЯ, с. 237); бел. *баяцца як і бы чорт крыжа* ‘вельмі моцна (баяцца каго-, чаго-н.)’ (СФБМ-2, с. 902); англ. *wrap sb in cotton wool* ‘настолько сильно беспокоиться о ком-то, что вы относитесь к нему более осторожно, чем необходимо, и не позволяете ему делать то, что вы считаете опасным’ (LID, p. 70); нем. *aus dem Anzug springen* ‘быть взволнованным, рассерженным’ (DRW, S. 52).

Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные номинативные единицы – это лексемы с уникальными элементами (радикаоидами и унификсами) и фраземы, имеющие в составе связанные, несвободные слова-компоненты: рус. *бояться* ‘1. Испытывать боязнь (о человеке или животном)’ (БТС) (связанный корень *-бо-*); бел. *ратаваць* ‘даваць ратунак, дапамогу ў цяжкім выпадку; пазбаўляць ад небяспекі’ (ТСБЛМ, с. 561) (связанный корень *-рат-*); англ. *anxious* ‘1. Беспокойный и опасующийся какого-либо сомнительного события, тревожный’ (FD) (связанный остаточный компонент *-anxi-/anxie-*, восходящий к праиндоевроп. корню **-angh-* ‘тугой, болезненно стянутый, мучительный’); нем. *Terror* ‘1. [Систематическое] распространение страха и ужаса посредством актов насилия (особенно для достижения политических целей)’ (DW) (связанный корень *-terr-*); рус. *поедом есть* ‘3. перен. Непрестанно мучить, терзать, доставлять беспокойство’ (ФСРЯ, с. 203); нем. *jmd. ist (wird) himmelangst* ‘очень бояться опасности или трудности, с которой трудно справиться’ (DRW, S. 352).

Класс **полностью немотивированных высоко идиоматичных номинативных единиц** формируют непроечные лексемы, фраземы, мотивированность которых не может быть истолкована с синхронной точки зрения: рус. *тревога* '1. Сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-л. опасениями, страхом, неизвестностью' (БТС); бел. *страх* '1. Пачуццё і стан вельмі моцнага спалоху' (ТСБЛІМ, с. 629); англ. *worry* '1. Испытывать беспокойство по поводу чего-либо; беспокоиться' (FD); нем. *retten* '1. Устранить опасность или угрожающую ситуацию и таким образом уберечь от смерти, разрушения, потери, повреждения и т. п.' (DW); рус. *отвести душу* '2. Высказать кому-л. то, что наболело; поделиться своими переживаниями' (ФСРЯ, с. 74); бел. *труса святкаваць* 'баяцца, палохацца' (СФБМ-2, с. 528); англ. *give sb the third degree* (досл. 'дать кому-либо третью степень') 'задавать кому-то много вопросов, серьезных или угрожающих, чтобы получить от них информацию' (LID, p. 83); нем. *auf neunundneunzig sein* (досл. 'быть на девяносто девять') 'быть очень взволнованным, злым' (DRW, S. 535).

Результаты и их обсуждение

Ономасиологическая структура поля (с учетом мотивированности и идиоматичности номинативных единиц). Номинативные единицы с семантикой 'беспокойство, тревога' русского, белорусского, английского и немецкого языков образуют непрерывный континуум из следующих ономасиологических групп: 1) фонетически мотивированных неидиоматичных наименований; 2) неидиоматичных наименований с покомпонентной мотивированностью; 3) ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированных и идиоматичных наименований; 5) полностью немотивированных идиоматичных наименований.

Количественные данные о распределении в русском, белорусском, английском и немецком языках номинативных единиц с семантикой 'беспокойство, тревога' по ономасиологическим группам, различающимся по характеру мотивированности и степени идиоматичности, представлены в таблице.

Доля ономасиологических классов семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках (с учетом мотивированности и идиоматичности)

The proportion of the onomasiological classes of the lexical-phraseological field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages (based on the criteria of motivation and idiomaticity)

Ономасиологическая группа		Русский корпус		Белорусский корпус		Английский корпус		Немецкий корпус	
		Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %
<i>Всего</i>		230	100,0	344	100,0	255	100,0	279	100,0
Мотивированные обозначения	Фонетически мотивированные неидиоматичные наименования	1	0,4	2	0,6	1	0,4	0	0,0
	Покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования	56	24,4	79	23,0	70	27,5	55	19,7
	Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования	143	62,2	232	67,4	152	59,6	200	71,7
	<i>Всего</i>	200	87,0	313	91,0	223	87,5	255	91,4
Немотивированные обозначения	Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования	8	3,5	3	1,0	5	2,0	7	2,5
	Полностью немотивированные идиоматичные наименования	22	9,5	28	8,0	27	10,5	17	6,1
	<i>Всего</i>	30	13,0	31	9,0	32	12,5	24	8,6

Как видно из таблицы, в сфере номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ доминируют мотивированные обозначения. Соотношение мотивированных и немотивированных номинаций составляет 7 : 1 в русском и английском языках и 10 : 1 в белорусском и немецком языках. Наименее продуктивным является фонетический тип мотивированности, а наиболее продуктивным – ассоциативно-образный.

Различия между лексикой и фразеологией с точки зрения ономаσιологических свойств мотивированности и идиоматичности. Лексические и фразеологические средства ономаσιологической организации семантического поля ‘беспокойство, тревога’ различны в русском, белорусском и немецком языках и совпадают в английском. Два доминирующих типа мотивированности (ассоциативно-образная и покомпонентная) имеют в лексике и фразеологии русского, белорусского и немецкого языков разный ранг.

В лексических подкорпусах белорусского и немецкого языков 1-е место занимают производные слова, или словообразовательно мотивированные неидиоматичные наименования, 2-е – ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные лексемы, 3-е – синхронно немотивированные непроизводные слова, 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные единицы. На 5-м месте в белорусском языке находятся фонетически мотивированные неидиоматичные наименования. В лексике русского языка 1-е место разделяют словообразовательно мотивированные неидиоматичные и ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования, на 2-м месте находятся полностью немотивированные непроизводные слова, на 3-м – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные единицы, на 4-м – фонетически мотивированные неидиоматичные лексемы. Лексический подкорпус английского языка (как и фразеологический) имеет следующую структуру: 1-е место занимают ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования, 2-е – покомпонентно мотивированные неидиоматичные, 3-е – полностью немотивированные идиоматичные, 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования.

Во фразеологических корпусах исследуемых языков на 1-м месте находятся фразеологические единства (образно-идиоматичные фраземы), за ними следуют фразеологические выражения (неидиоматичные обороты с предметно-логической мотивированностью), затем – фразеологические сращения (немотивированные идиомы), после идут фразеологические сочетания (фраземы, немотивированные и идиоматичные по связанному компоненту).

Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических разрядах семантического поля ‘беспокойство, тревога’ в русском языке представлено на рис. 1, в белорусском – на рис. 2, в английском – на рис. 3, в немецком – на рис. 4.

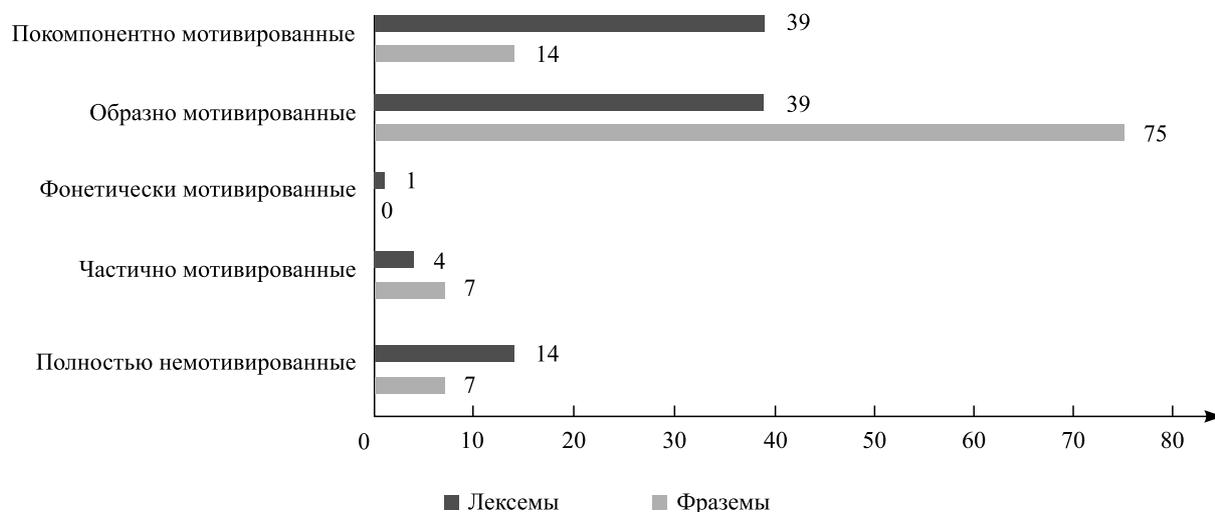

Рис. 1. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах русского семантического поля ‘беспокойство, тревога’, %

Fig. 1. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the Russian lexical-phraseological field ‘anxiety’, %

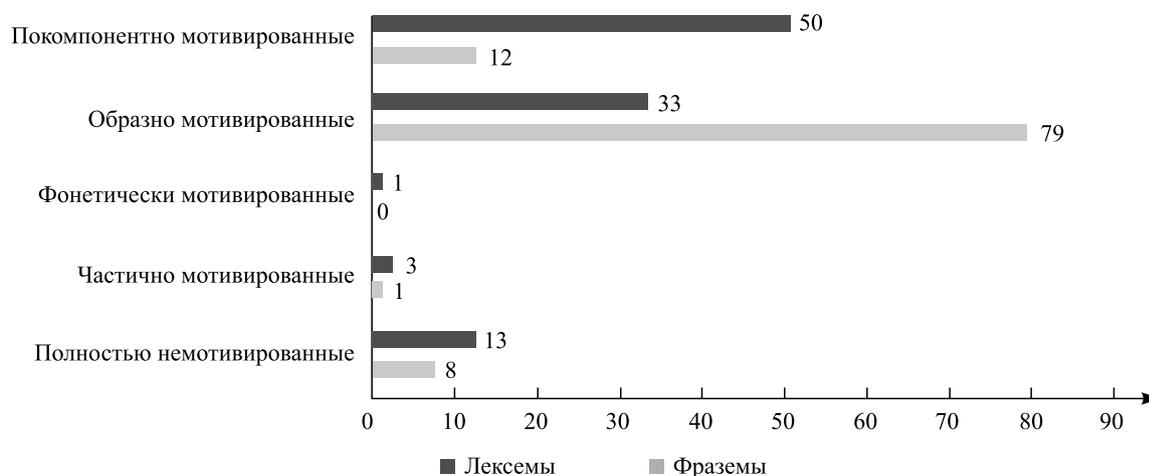

Рис. 2. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах белорусского семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 2. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the Belarusian lexical-phraseological field 'anxiety', %

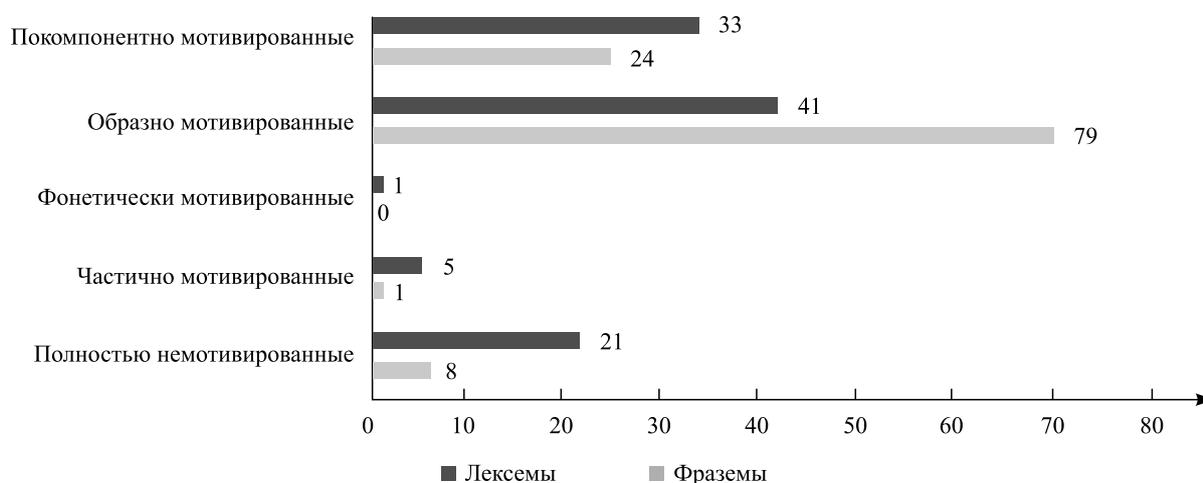

Рис. 3. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах английского семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 3. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the English lexical-phraseological field 'anxiety', %

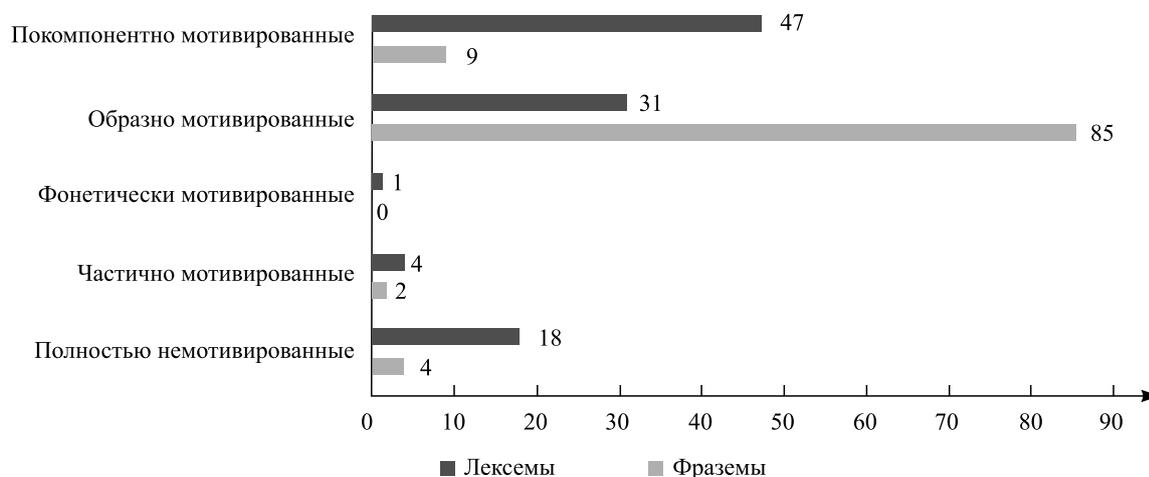

Рис. 4. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах немецкого семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 4. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the German lexical-phraseological field 'anxiety', %

Таким образом, просматривается тенденция к мотивированности **лексических** обозначений беспокойства, тревоги. Соотношение мотивированных и немотивированных лексических единиц в изучаемом поле составляет приблизительно 4 : 1 в русском и немецком языках, 5 : 1 в белорусском языке, 3 : 1 в английском языке. Способы мотивированности продуктивных лексем не совпадают и различаются по силе и очевидности. В русском языке выявлено равное количество покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем и ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований. В белорусском и немецком языках доминируют покомпонентно мотивированные неидиоматичные единицы: их в 1,5 раза больше, чем ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных лексем. В английском языке, напротив, количество ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований на 1/3 превышает число покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем.

Ономасиологическая структура лексики с семантикой ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках обладает тем не менее рядом сходных черт. В исследованных подкорпусах покомпонентно мотивированные лексем количественно доминируют над полностью немотивированными производными единицами. Как отмечает М. С. Гутовская, «в преобладании производных лексем над производными видится проявление устройства языка как многоуровневой системы, в которой единицы более высокого уровня складываются из единиц следующего за ним более низкого уровня, а количество единиц возрастает по направлению от нижнего к более высоким уровням: количество производных слов, созданных из двух и более морфем, превышает количество производных слов, образованных из фонем (еще выше число фразем, представляющих собой сочетания слов)» [21, с. 106–107]. Отмечается также малая доля лексем, в составе которых присутствуют связанные компоненты, сравнительно быстро уходящие из языка ввиду ограниченности их употребления и словообразовательной непродуктивности. Небольшое количество фонетически мотивированных наименований объясняется снижением уровня продуктивности этого типа мотивированности языковых единиц по сравнению с периодом возникновения языков [22, с. 56; 23, с. 136].

Выявленные при исследовании лексических подкорпусов межъязыковые различия носят типологический характер. Степень мотивированности лексики коррелирует с морфологическими типами языков. Для синтетических языков характерна большая, чем для аналитических, мотивированность лексики. Это подтверждается рядом наблюдений. В языках синтетического строя (русском, белорусском и немецком) отмечается большая доля мотивированности лексики в целом (в русском и немецком языках мотивированных наименований, обозначающих беспокойство, тревогу, в 4 раза больше, чем немотивированных, а в белорусском – в 5 раз). Также в корпусах трех языков наблюдается преобладание лексем с высокой степенью мотивированности – покомпонентно мотивированных неидиоматичных наименований (39 % русского, 50 % белорусского и 47 % немецкого корпусов). Кроме того, наименьшие среди исследуемых языков показатели доли полностью немотивированных идиоматичных лексем выявлены в белорусском (13 %) и русском (14 %) языках. В немецком языке полностью немотивированные лексем составляют 18 % исследуемого корпуса, что говорит о сравнительно меньшей мотивированности поля. Полученные данные соотносимы с показателем индекса синтетичности (индекса Гринберга), который у немецкого языка существенно ниже (1,97), чем у русского (2,39).

В относящемся к аналитическому типу английскому языку доля мотивированных лексем ниже, чем в русском, белорусском и немецком языках (мотивированных наименований в 3 раза больше, чем немотивированных). Среди мотивированных единиц английского языка с семантикой ‘беспокойство, тревога’ преобладают ассоциативно-образные идиоматичные лексем (41 %), характеризующиеся меньшей, чем у покомпонентно мотивированных, степенью мотивированности. О меньшей степени мотивированности английских лексем с семантикой ‘беспокойство, тревога’ говорит и относительно высокий по сравнению с русским, белорусским и немецким языками удельный вес полностью немотивированных идиоматичных лексем (21 %).

Ономасиологическая структура русской, белорусской, английской и немецкой **фразеологии**, относящейся к семантическому полю ‘беспокойство, тревога’, совпадает. Во всех четырех исследованных подкорпусах доминируют мотивированные фраземы. Соотношение мотивированных и немотивированных фразеологических наименований беспокойства, тревоги составляет 9 : 1 в русском, 10 : 1 в белорусском, 13 : 1 в английском и 15 : 1 в немецком языках.

Среди мотивированных фразем с семантикой ‘беспокойство, тревога’ преобладают образно мотивированные идиоматичные фраземы (фразеологические единства). На их долю приходится 75 % русского, 79 % белорусского, 69 % английского и 85 % немецкого фразеологических подкорпусов.

Значительно меньше доля покомпонентно мотивированных фразем: 14 % русского, 12 % белорусского, 24 % английского и 9 % немецкого фразеологических подкорпусов. Стоит отметить наличие у подавляющего большинства рассмотренных фразеологических единиц данного класса некоторой

идиоматичности, которая появляется за счет реализации компонентами фраземы в ее составе метонимически и метафорически производных значений. Небольшая степень идиоматичности обуславливает наличие у фразем образности, создание подобия семантической двуплановости за счет многозначности слов-компонентов. Такие единицы занимают промежуточное положение между классами покомпонентно и образно мотивированных фразем.

Полностью немотивированные идиоматичные фраземы с семантикой 'беспокойство, тревога' немногочисленны. Их удельный вес составляет 7 % в русском, 8 % в белорусском, 6 % в английском и 4 % в немецком языках. Примечательно, что доля немотивированных единиц во фразеологии четырех языков гораздо меньше, чем в лексике. Полностью немотивированных фразем в русском и белорусском языках в 2 раза меньше, чем полностью немотивированных лексем, в английском языке в 3,5 раза, в немецком языке в 4,5 раза. Этот факт объясняется типологическими особенностями устройства номинативных единиц в языках. Русский, белорусский, английский и немецкий языки относятся к фузионному типу. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «в фузионном слове границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплывались: иногда они проходят внутри звука... иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются» [24, с. 73]. Тенденция к стиранию границ между морфемами приводит к процессам опрощения и переразложения, которые, в свою очередь, влекут за собой демотивацию и появление в языке непрямых основ. Утрате мотивированности фразем препятствует очевидная раздельнооформленность их компонентов.

Как и соответствующий ономазиологический тип лексем, частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные фраземы в рассматриваемых подкорпусах крайне малочисленны. Фраземы, содержащие компоненты с ограниченной синтагматикой, не обладают прозрачной образностью, малопонятны говорящим и, как следствие, постепенно выходят из употребления.

Корреляция номинативных функций языковых единиц и их ономазиологических типов. М. С. Гутовская в исследовании поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках выявила закономерность, которая свидетельствует о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений – ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, преимущественно фраземами [21, с. 106–110].

Интересным показалось проверить сформулированную М. С. Гутовской закономерность на материале обозначений беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Так, в исследуемых языках в семантическом поле 'беспокойство, тревога' доминируют эмотивные смыслы. Около 4/5 номинативных единиц поля каждого языка имеют эмотивное значение, причем как на лексическом, так и на фразеологическом уровнях. Подавляющее большинство единиц с эмотивным значением являются ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными наименованиями. Доля образно мотивированных единиц составляет 80 % в русском, 81 % в белорусском, 72 % в английском и 86 % в немецком языках. Стоит отметить, что экспрессивно-оценочная функция более характерна для фразем, чем для лексем, и образно мотивированные фраземы заметно превосходят соответствующие лексемы по числу. Образно мотивированных фразем с эмотивной семантикой в русском, белорусском и английском языках в 3 раза больше, чем образных лексем, а в немецком языке в 4 раза.

В семантическом поле 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках предметно-понятийное содержание выражается лексикой. Среди лексем с понятийной семантикой доминируют покомпонентно мотивированные единицы (слова с производной основой). Их удельный вес составляет 65 % в русском, 72 % в белорусском, 49 % в английском и 63 % в немецком языках.

Сформулированная М. С. Гутовской гипотеза о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений – ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, преимущественно фраземами, подтвердилась в рамках семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Заключение

Мотивированность и идиоматичность – сущностные характеристики номинативных единиц. Эти ономазиологические свойства являются взаимнообратно зависимыми и имеют градуальную природу. Ономазиологическая структура семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках совпадает. Номинативные единицы с семантикой 'беспокойство, тревога' образуют континуум из пяти ономазиологических классов (в порядке убывания мотивированности, возрастания идиоматичности): 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (лексемы и фраземы, содержащие звукоподражательные элементы); 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования (словообразовательно мотивированные производные лексемы, предметно-логически мотивированные фраземы); 3) образно мотивированные идиоматичные наименования

(лексемы в переносных значениях, фраземы с двуплановой семантикой); 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (лексемы с уникальными элементами – радикасоидами и унификсами, фраземы, имеющие в своем составе связанные, несвободные слова-компоненты); 5) полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования (непроизводные лексемы, фраземы, мотивированность которых не может быть истолкована с синхронной точки зрения).

В анализируемых языках наблюдается тенденция к мотивированности номинативных единиц. Соотношение мотивированных и немотивированных обозначений беспокойства, тревоги составляет 7 : 1 в русском и английском и 10 : 1 в белорусском и немецком языках. Наиболее продуктивным способом мотивированности является ассоциативно-образный. Доля ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований составляет около 3/5 от общего количества номинативных единиц, входящих в состав семантических полей.

Ономасиологическое структурирование семантического поля ‘беспокойство, тревога’ средствами лексики и фразеологии совпадает в английском языке и различается в русском, белорусском и немецком языках. Прослеживается схожесть структуры фразеологических подкорпусов всех четырех языков. Иерархическая упорядоченность ономасиологических классов в английском языке такова: 1) ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования (41 % лексем, 69 % фразем); 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования (33 % лексем, 24 % фразем); 3) полностью немотивированные идиоматичные наименования (21 % лексем, 6 % фразем); 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (5 % лексем, 1 % фразем). В лексике белорусского и немецкого языков 1-е место занимают словообразовательно мотивированные неидиоматичные наименования (50 и 47 % соответственно), 2-е – образно-идиоматичные мотивированные наименования (33 и 31 % соответственно), 3-е – синхронно немотивированные непроизводные наименования (13 и 18 % соответственно), 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (3 и 4 % соответственно), 5-е – фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (1 % в белорусском). В лексике русского языка 1-е место разделяют словообразовательно мотивированные неидиоматичные и ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования (по 39 % лексем каждого класса), на 2-м находятся полностью немотивированные непроизводные наименования (14 %), на 3-м – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (4 %), на 4-м – фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (1 %).

В ономасиологической структуре фразеологических корпусов русского, белорусского и немецкого языков на первом месте располагаются образно-идиоматичные фраземы (75; 79 и 85 % соответственно), за ними следуют неидиоматичные обороты с предметно-логической мотивированностью (14; 12 и 9 % соответственно), затем – полностью немотивированные идиомы (7; 8 и 4 % соответственно) и после – фраземы, немотивированные и идиоматичные по связанному компоненту (7; 1 и 4 % соответственно).

Различная ономасиологическая структура лексических подкорпусов русского, белорусского и немецкого, с одной стороны, и английского, с другой стороны, объясняется типологическими особенностями языков. Для синтетических языков (русского, белорусского и немецкого) характерны большая, чем для аналитических (английского), мотивированность лексики в целом и преобладание среди мотивированных единиц покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем.

Во всех четырех языках доля полностью немотивированных лексем выше, чем доля соответствующих фразем. Это объясняется тем, что в языках фузионного типа, к которым относятся русский, белорусский, английский и немецкий, наблюдается тенденция к демотивации слов, поскольку их морфемы очень тесно семантически и формально связаны между собой. Раздельнооформленность компонентов фраземы препятствует утрате мотивированности оборота в целом.

В русской, белорусской, английской и немецкой лексике и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ наблюдается очень малая доля частично (по связанному компоненту) немотивированных единиц. Связанные элементы имеют нечеткое значение, предельно узкую сочетаемость и постепенно уходят из языка. Фонетически мотивированные номинативные единицы крайне малочисленны в исследованных корпусах ввиду относительной непродуктивности этого способа мотивированности в современных языковых системах.

В семантическом поле ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках прослеживается связь между номинативной функцией языковой единицы и ее ономасиологическим типом. Понятийные значения актуализируются по большей части покомпонентно мотивированными неидиоматичными лексемами. Эмотивная семантика выражается ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными номинативными единицами, преимущественно фраземами.

Сокращения

DRW – Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4. Aufl. Berlin : Dudenverlag, 2013. 929 S. ; **DW** – Duden Onlinewörterbuch [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Datum der Bewerbung: 01.03.2020) ; **ED** – Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 03.04.2021) ; **FD** – The free dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (date of access: 01.03.2020) ; **LID** – Longman idioms dictionary. Harlow : Pearson Education Limited, 1998. 398 p. ; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.03.2020) ; **СФБМ-1** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Т. 1. А–Л / склад. І. Я. Лепешаў Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. 672 с. ; **СФБМ-2** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Т. 2. М–Я / склад. І. Я. Лепешаў Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. 704 с. ; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. 2-е выд. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2002. 784 с. ; **ФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд. М. : Астрель, 2008. 878 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов М. : Медиа, 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. де Соссюр Ф, Балли Ш, Сеше А. *Курс общей лингвистики*. Рут МЭ, редактор; Сухотин А, переводчик. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1999. 432 с.
2. Левицкий ВВ. Фонетическая мотивированность слова. *Вопросы языкознания*. 1994;1:26–37.
3. Гак ВГ. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)*. Москва: Международные отношения; 1977. 264 с.
4. Ульман С. Семантические универсалии. В: Успенский БА, редактор, переводчик. *Новое в лингвистике. Выпуск V. Языковые универсалии*. Москва: Прогресс; 1970. с. 250–299.
5. Торопцев ИС. Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка). *Ученые записки Орловского государственного педагогического института*. 1954;22:21–27.
6. Княк ТР. О видах мотивированности лексических единиц. *Вопросы языкознания*. 1989;1:98–107.
7. Матезиус В. Язык и стиль. В: Кондрашов НА, редактор. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс; 1967. с. 444–523.
8. Смирницкий АИ. Значение слова. *Вопросы языкознания*. 1955;2:79–89.
9. Мечковская НБ. Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков). В: Лукашанец АА, редактор. *Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. Матэрыялы XIV Міжнароднага з'езда славістаў. Доклады беларускай дэлегацыі; 10–16 верасня 2008 г.; Охрыд, Македонія*. Минск: БГУ; 2008. с. 149–172.
10. Шанский НМ. *Фразеология современного русского языка*. Санкт-Петербург: Специальная литература; 1996. 192 с.
11. Melčuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, van der Linden E-J, Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
12. Баранов АН, Добровольский ДО. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008. 656 с.
13. Панов МВ. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1999. 275 с. Совместно с издательством «Наука».
14. Улуханов ИС. Компоненты значения членимых слов. *Вопросы языкознания*. 1974;2:71–78.
15. Блинова ОИ. *Явление мотивации слов: лексикологический аспект*. Томск: Издательство Томского государственного университета; 1984. 191 с.
16. Кубрякова ЕС. *Основы морфологического анализа*. Москва: Наука; 1974. 319 с.
17. Ахманова ОС. *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва: Либроком; 2009. 296 с.
18. Телия ВН. Объем фразеологии и типы ее единиц. В: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1996. с. 56–83.
19. Мельчук ИА. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». *Вопросы языкознания*. 1960;4:73–80.
20. Амосова НН. *Основы английской фразеологии*. Москва: URSS; 2013. 216 с.
21. Гутовская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках*. Минск: БГУ; 2019. 399 с.
22. Воронин СВ. *Основы фоносемантики*. Москва: Ленанд; 2006. 239 с.
23. Солнцев ВМ. *Язык как системно-структурное образование*. Москва: Недра; 1977. 341 с.
24. Мечковская НБ. *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*. Москва: Флинта; 2001. 312 с. Совместно с издательством «Наука».

References

1. de Saussure F, Bally Ch, Sechehaye A. *Cours de linguistique generale*. Paris: Payot; 1972. 510 p. Russian edition: de Saussure F, Bally Ch, Sechehaye A. *Kurs obshchei lingvistiki*. Rut ME, editor; Sukhotin A, translator. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1999. 432 p.
2. Levitskii VV. [Phonetic motivation of the word]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994;1:26–37. Russian.
3. Gak VG. *Sopostavitel'naya leksikologiya (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Comparative lexicology (based on the French and Russian languages)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1977. 264 p. Russian.
4. Ullmann S. [Semantic universals]. In: Uspenskii BA, editor, translator. *Novoe v lingvistike. Vypusk V. Yazykovye universalii* [New in linguistics. Issue 5. Language universals]. Moscow: Progress; 1970. p. 250–299. Russian.

5. Toroptsev IS. [Lexical motivation (based on the material of the modern Russian literature language)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1954;22:21–27. Russian.
6. Kiyak TR. [On the types of motivation of lexical units]. *Voprosy yazykoznanija*. 1989;1:98–107. Russian.
7. Mathesius V. [Language and style]. In: Kondrashov NA, editor. *Prazhskii lingvisticheskii krugok* [Prague linguistic circle]. Moscow: Progress; 1967. p. 444–523. Russian.
8. Smirnitkii AI. [The meaning of the word]. *Voprosy yazykoznanija*. 1955;2:79–89. Russian.
9. Mechkovskaya NB. [Classes of idioms and their correlates in the mechanisms of diachronic phraseology (on the material of the East Slavic, Slovenian and Polish languages)]. In: Lukashanec AA, editor. *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. Matjeryjaly XIV Mizhnarodnaga z'ezda slavistav. Daklady belaruskaj djelegacyi; 10–16 verasnja 2008 g.; Ohryd, Makedonija* [Linguistics. Literature. Folklore. 14th International congress of Slavists. Reports of the Belarusian delegation; 2008 September 10–16; Ohrid, Macedonia]. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 149–172. Russian.
10. Shanskii NM. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The phraseology of the modern Russian language]. Saint Petersburg: Spetsial'naya literatura; 1996. 192 p. Russian.
11. Melčuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, van der Linden E-J, Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
12. Baranov AN, Dobrovol'skii DO. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znack; 2008. 656 p. Russian.
13. Panov MV. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1999. 275 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
14. Ulukhanov IS. [Components of meaning of segmentable words]. *Voprosy yazykoznanija*. 1974;2:71–78. Russian.
15. Blinova OI. *Yavlenie motivatsii slov: leksikologicheskii aspekt* [Phenomenon of word motivation: lexicological aspect]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta; 1984. 191 p. Russian.
16. Kubryakova ES. *Osnovy morfologicheskogo analiza* [Basics of morphological analysis]. Moscow: Nauka; 1974. 319 p. Russian.
17. Akhmanova OS. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow: Librokom; 2009. 296 p. Russian.
18. Teliya VN. [The volume of phraseology and the types of its units]. In: *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. p. 56–83. Russian.
19. Melčuk IA. [On the terms of «regularity» and «idiomaticity»]. *Voprosy yazykoznanija*. 1960;4:73–80. Russian.
20. Amosova NN. *Osnovy angliiskoi frazeologii* [Fundamentals of English phraseology]. Moscow: URSS; 2013. 216 p. Russian.
21. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexical-phraseological structure of the metalingual nominative field in the Russian and English languages]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
22. Voronin SV. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Moscow: Lenand; 2006. 239 p. Russian.
23. Solntsev VM. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as system-structural formation]. Moscow: Nedra; 1977. 341 p. Russian.
24. Mechkovskaya NB. *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics. Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta; 2001. 312 p. Co-published by the «Nauka». Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2021.
Received by the editorial board 21.10.2021.